

Магазинчик Су Мо стоял совсем рядом с начальной школой, и каждый день после уроков здесь было не протолкнуться. И пускай детишки покупали по мелочи, ему нравилась эта суета — так он чувствовал, что его жизнь наполнена смыслом.

Су Моли, наблюдая, как расходится последняя стайка школьников, тяжело вздохнула:

— Эх, слышала я, там неподалеку еще одну лавку открыли. Точно часть покупателей переманят.

Су Мо лишь мимолетно улыбнулся и принялся протирать прилавок влажной тряпкой.

«Это не важно», — промелькнуло в его жестах.

— И в кого ты у меня такой покладистый? — мать ласково посмотрела на него. — Той, что станет твоей женой, сказочно повезет. На руках носить будет.

Су Мо перестал улыбаться.

«Кому я нужен, такой немой? С ним ведь даже поругаться — и то скука смертная».

— Я дома! — дверь распахнулась, и в лавку ввалился Су Цзинь. Бросив рюкзак на табурет, он украдкой покосился на своего подчеркнуто спокойного младшего брата.

— В следующем году у тебя выпускные экзамены, — напомнила мать, и от одной мысли об этом у нее начинала болеть голова. — Садись за учебники, чтобы не пришлось опять на второй год оставаться.

— Знаю, знаю. Я твердо решил: буду поступать в медицинский, — Су Цзинь широко улыбнулся Су Мо. — Сяо Мо, пойдём поедим лепешек?

«Пусть папа и мама тоже идут».

— Нет, только мы вдвоем. У меня к тебе дело.

Су Моли недовольно поджала губы:

— Это еще что за секреты от родителей?

— Мам, да пустяки, не забивай голову, — Су Цзинь, не дожидаясь возражений, схватил брата за рукав и потащил к выходу.

Су Мо, почувствовав, как бесцеремонно его тянут, нахмурился и резко высвободил руку. Су Цзинь, привыкший к таким вспышкам, лишь виновато пробормотал:

— Слушай... про ту утреннюю заварушку... ты ведь не проболтался матери?

Су Мо искоса взглянул на него и быстро показал знаками:

«Проболтался».

— Что?! — Су Цзинь в ужасе схватился за лицо. — Seriously? Вот черт, какой позор!

Видя, как брата буквально перекосило от стыда, Су Мо не выдержал и улыбнулся.

«Сам виноват».

— Ты совсем от рук отбился, только и делаешь, что измываешься над старшим братом, — ворчал Су Цзинь, хотя и старался говорить не слишком громко.

Он не боялся брата, просто слишком сильно его любил и берег, чтобы всерьез ругаться.

«Ты сам говорил, что тебе это нравится», — со смешинкой в глазах ответил Су Мо на языке жестов.

Су Цзинь посмотрел на его улыбку и сам невольно расплылся в ответ. Он по-хозяйски приобнял брата за плечи:

— Совсем я тебя избаловал.

Забегаловка на восточном краю улицы была местом старым и проверенным. Обстановка там была самой простой, зато лепешки готовили отменные — в обеденные часы свободного столика было не сыскать, приходилось подсаживаться к другим.

— О, братья пришли!

Хозяйка, тетюшка Ван, знала их как облупленных. Каждый раз, когда они заглядывали, она обязательно угощала их бесплатным стаканом соевого молока.

— Тетюшка Ван, нам как обычно! — зычно крикнул Су Цзинь и потащил брата к столу у окна.

— Сделаем! — отозвалась та и крикнула в сторону кухни: — Пять лепешек с говядиной, две с

пореем, стакан соевого молока и порцию тофу!

Стоило Су Мо сесть, как их кто-то окликнул:

— Цзинь-цзы! Вы тоже решили подкрепиться?

Это был Лян Цинь, лучший друг Су Цзиня. Они выросли в одном дворе, и он, поскольку пошел в школу позже из-за нехватки денег в семье, учился с Су Цзинем в одном классе.

— Не паясничай, садись давай, — Су Цзинь подтолкнул ему табурет.

Лян Цинь по привычке хотел сесть рядом с Су Мо, но, наткнувшись на его холодный, отстраненный взгляд, молча пересел поближе к другу.

— Я разузнал про того новенького, о котором ты спрашивал, — Лян Цинь возбужденно забарабанил пальцами по столу. — Его зовут Хань Дун. Семья — неприлично богатая, живут в огромном особняке. Говорят, у его отца «Мерседес»!

Лян Цинь так разволновался, что даже по столу хлопнул:

— Настоящий «Мерседес», представляешь? Нам на такую машину до конца жизни не заработать, даже потрогать не дадут, а он на ней ездит. Ведет себя так, будто весь мир ему должен. Стоило ему в школе появиться — все девчонки так и прилипли к нему взглядами.

Су Мо и Су Цзинь переглянулись. Он нахмурился:

— Не тот ли это Хань Дун, о котором я думаю?

— Ты его знаешь? Да ну, бред! — Принесли лепешки, и Лян Цинь тут же вгрызся в одну. — Где он и где ты? В нашем заштатном городишке по пальцам можно пересчитать тех, кто может с ним сравниться. Откуда тебе его знать?

— Если это он, то я этого засранца придушу, — Су Цзинь усмехнулся. — Мажор хренов.

— Так ты серьезно с ним знаком? — не унимался Лян Цинь.

— Был у меня один приятель, Хань Дун. С детства дрался как одержимый, дерзкий до ужаса и красавчик — аж тошно, — хохотнул Су Цзинь.

Су Мо бросил на брата ледяной взгляд, красноречиво вопрошая: «Ты есть собираешься или как?». Тот мгновенно уткнулся в тарелку.

Лян Цинь покосился на Су Мо и, встретившись с ним глазами, неловко улыбнулся:

— Привет.

— Ты тут полчаса уже сидишь, какое нахрен «привет»? — выругался Су Цзинь.

Лян Цинь лишь огрызнулся в ответ. А что он мог сказать? Младший брат друга был слишком холодным. Он с детства не боялся ни задир, ни хулиганов, но перед бесстрастным Су Мо всегда тушевался. Тот был невероятно хорош собой, но казался совершенно недосыгаемым.

Су Мо не обращал на них внимания, методично расправляясь с лепешкой. Заходящее солнце пробивалось сквозь пыльное стекло старой рамы, окутывая восемнадцатилетнего юношу мягким золотистым светом. В его бледной, чистой коже чувствовалась сама юность, но в глазах — тех самых «персиковых» глазах, что невольно приковывали к себе внимание, — читалась зрелость человека, повидавшего немало. Красота его была из тех, что заставляют сердце на миг пропустить удар.

— Слушай, Лян, давай после еды наведаемся к этому Хань Дуну, — предложил Су Цзинь.

— А пойдем. Вдвоем-то мы его точно разделаем.

Су Цзинь осторожно посмотрел на брата:

— Сяо Мо, можно я схожу?

— Ты серьезно?.. — Лян Цинь даже не нашелся, что сказать.

— А что? — Су Цзинь выжидающе поднял бровь.

Заметив, что Су Мо смотрит на него, Лян Цинь лишь покачал головой. «Ну и подкаблучник... перед собственным братом пасует».

«Иди. Но возвращайся быстрее, вечером тебе еще нужно подтянуть английский», — показал Су Мо и снова опустил голову к тарелке.

— Офигеть, так ты потому в английском прибавил, что зубришь? — Лян Цинь, выросший бок о бок с ними, неплохо понимал жесты.

— А ты как думал? Если бог умом обделил, приходится зубрежкой брать, иначе в университет не поступить, — Су Цзинь заметил, что брат доел свою порцию, и привычным движением подложил ему еще одну лепешку. — Я просто гляну, тот ли это Хань Дун. Драться не буду,

обещаю.

Су Мо не стал отвечать. Закончив трапезу, он поднялся и вышел. Лян Цинь проводил его взглядом и облегченно выдохнул:

— Слушай, почему у него такой тяжелый характер? Мне с ним всегда не по себе. Сидит молчит, смотрит как в душу...

— Ты что-то имеешь против моего брата? — тон Су Цзиня мгновенно стал угрожающим.

— Да нет же, мы ведь с детства вместе. Просто... — Лян Цинь пересел поближе. — Раньше он был таким милым ребенком. Почему он стал таким... колючим?

— А по-моему, всё правильно. Он не может говорить, и я всегда боялся, что он замкнется в себе или станет забитым. Пусть лучше будет холодным — так его никто не посмеет обидеть.

Сентябрьский воздух дышал прохладой. В лучах заката из переулков доносились приглушенные крики детворы. Су Мо шел, кутаясь в школьную куртку брата, и задумчиво разглядывал улицы старого города. Возле здания заброшенного кинотеатра он на мгновение остановился.

Дзинь-дзинь!

Дорогу ему преградил велосипед. Мужской голос самоуверенно бросил:

— Эй, посторонись, дай проехать.

Су Мо поднял голову и сразу узнал его. Хань Дун сидел на велосипеде — статный, шире в плечах, чем сверстники, с породистым лицом и дерзким взглядом. Одет он был по последней моде: белоснежная рубашка заправлена в джинсы с высокой талией, белые кроссовки сияли чистотой, а аккуратная прическа с пробором подчеркивала образ «плохого парня». Он был из тех, кого запоминаешь с первого взгляда. Как выразился бы Су Цзинь — красавец, который бесит одних мужчин и сводит с ума других.

Заметив на Су Мо форму первой школы, Хань Дун прищурился. Он резко нажал на тормоз и перегородил путь, упершись одной ногой в землю. Он нагло ухмыльнулся:

— Первошкольник? Какой класс? Как звать?

Су Мо посмотрел на него в упор, попытался обойти, но Хань Дун снова преградил дорогу передним колесом. Переулок был узким, и маневр удался без труда.

— Я к тебе обращаюсь. Ты что, глухой или немой? — в голосе Хань Дуна прорезалось раздражение.

Су Мо сохранил привычное ледяное спокойствие и демонстративно развернулся, чтобы уйти. Хань Дун, потеряв терпение, соскочил с велосипеда и, бесцеремонно толкнув юношу к стене, навис над ним, небрежно засунув руки в карманы.

Су Мо не выказал ни тени страха. Он лишь вскинул голову и смерил мажора колючим, пронзительным взглядом. В глубине души ему было не по себе, но он давно привык: чем сильнее страх, тем холоднее должна быть маска.

— Можешь не пялиться, меня этим не проймешь, — хмыкнул Хань Дун. — Я просто хочу знать, кто ты такой. Что это за фокусы были утром со звонком?

Су Мо сжал губы и попытался оттолкнуть его, но Хань Дун железной хваткой перехватил его запястье. Было больно.

— Язык проглотил? — Хань Дун окончательно вышел из себя. Видя, что тот по-прежнему молчит, он грубо дернул его за плечо куртки, и молния с треском разошлась до середины.

Под формой на Су Мо была лишь тонкая майка. Из-за рывка куртка сползла, обнажив плечо — пугающе белое, чистое, на котором тут же расцвело красное пятно от пальцев.

Хань Дун опешил. Он уставился на бледную кожу, потом снова на лицо Су Мо и вдруг ляпнул:

— Ты парень или девчонка?

«Что?! Да ты ослеп, придурок?!»

В глазах Су Мо вспыхнул гнев. Он с силой ударил Хань Дуна ногой. Тот, охнув от боли, отшатнулся в сторону. Су Мо, не теряя ни секунды, бросился прочь. Хань Дун даже не пытался его преследовать — он стоял и завороченно смотрел вслед удаляющемуся юноше.

Почувствовав на себе этот странный взгляд, Су Мо невольно сжался. Походка стала неловкой, ноги словно заплетались — он сам не понимал, как теперь идти.

«Откуда только взялся этот психопат?!»

— И зачем парню быть таким белым... — пробормотал Хань Дун. Он сел на велосипед и укатил, напрочь забыв, зачем вообще ловил этого незнакомца.

На самом деле Хань Дун прекрасно видел, что перед ним парень — строение тела не обманешь. Просто он никогда не встречал парней с такой нежной, почти прозрачной кожей.

Вечером в Заводском жилом комплексе было шумно. Дети прыгали через резиночку и играли в салки, старики резались в шахматы, а женщины, собравшись кучками, всю перебивали кости соседям.

Су Мо сидел в комнате над книгой, изредка поглядывая в окно. Вскоре домой ворвался возбужденный Су Цзинь:

— Сяо Мо! Угадай, тот ли это Хань Дун?!

Су Мо отложил книгу и обернулся.

«Зачем гадать? У тебя на лице всё написано».

— Ну скажи, каков шанс! — Су Цзинь притянул стул и уселся напротив.

«Шанс один на миллион, и каждый раз он заканчивается твоим избиением», — Су Мо едва заметно усмехнулся.

Су Цзинь вспыхнул и ткнул пальцем в сторону окна:

— Не будь ты моим братом, я бы тебя сейчас в форточку выкинул!

Су Мо лишь иронично выгнул бровь.

«Этот Хань Дун ведь твой ровесник, почему он тоже в выпускном классе?»

— Ха-ха-ха! На второй год остался! Как и я! — Су Цзинь так и зашелся в смехе. — Слушай, Сяо Мо, я сегодня был у них. Ну и домина! Машина во дворе, а у его отца — мобильник, такой крутой, ты бы видел!

«Прогресс не стоит на месте. Скоро это станет обыденностью».

— Сяо Мо, обещаю: я обязательно окончу мед. Пусть я не гений, но я буду зубрить. Год, два — не важно. Я стану лучшим врачом и заработаю на дом и машину для тебя. Чтобы ты был самым счастливым, — серьезно сказал Су Цзинь.

«Тогда марш за учебники».

— Слушаюсь, босс! — хохотнул брат и уселся за стол.

В свете угасающего дня лицо Су Цзиня казалось особенно решительным. Су Мо мягко улыбнулся. Он знал: брат так рвется в медицину только ради него. Ради того, чтобы однажды Су Мо смог заговорить.

Его трогала такая преданность семьи, но порой из-за этой опеки он чувствовал себя бесполезным. Будущее казалось туманным маревом.

«Живи — работай, умри — забудь».

Эти слова внезапно всплыли в памяти. Тот вечер у железной дороги всё еще стоял перед глазами, живой и яркий. Тот мальчик... он ведь тоже должен был уже вырасти.

Наступила суббота. У Су Цзиня с утра были занятия, и он убежал в школу. Су Мо всё утро крутился в лавке, пока в полдень его не сменила мать.

— Сяо Мо, иди поешь. Я напекла огромных няньбинцзы с пореем, в кастрюле томятся, еще горячие.

«Брат и папа вернулись?»

— Отец сегодня на выезде, задержится, а брат твой дома, за пакетами приглядывает, — Су Моли расставляла бутылки с водой на полках. — Кстати, там друг его пришел. Ох и видный парень! Выше твоего брата, чистенький такой, статный. Но... — она заговорщицки улыбнулась, — до твоего отца в молодости ему далеко.

Су Мо шел домой, и в голове его крутилась одна мысль: как вести себя с Хань Дуном? Ведь он уже точно знал — вчерашним психопатом в переулке был именно этот чертов мажор!

<http://bllate.org/book/17506/1648567>